

Андрей Ивахнов

*Как будто
не случилось
ничего*

Досуг графомана

Андрей Ивахнов

**Как будто не случилось
ничего. Досуг графомана**

«Издательские решения»

Ивахнов А.

Как будто не случилось ничего. Досуг графомана / А. Ивахнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853988-6

В этой книге собраны стихотворения, которые на протяжении всей долгой жизни отражали душевные переживания автора. Одни из них публиковались в студенческой газете, потом в «Пионерской правде», детском журнале «Весёлые картинки», «Комсомольской правде», другие накапливались в ящиках стола и впервые увидели свет под этой обложкой.

ISBN 978-5-44-853988-6

© Ивахнов А.
© Издательские решения

Содержание

«Не воздух в квартире...»	6
МОЙ ПЕРВЫЙ СТИХ (5-й класс)	7
«Трактор землю пашет...»	7
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛИРИКА	8
«Темные ночи...»	8
«Я с тобой не бродил в тишине...»	9
«Ветер...»	10
«Промелькнул...»	12
«Ты сегодня...»	13
«Я знаю...»	14
«Мои стихи ...»	16
«Два кольца...»	18
МОСКВА – КРАСНОЯРСК	19
«В тумане вокзала...»	19
СИБИРЬ	20
«Ложатся в землю...»	20
«Взгляни...»	21
«Ходят люди, смотрят косо...»	22
ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ	23
«Всё гладко лишь на глобусе...»	23
«Стартуют твои ракеты...»	24
С РУМЫНСКОГО	25
«От рассвета до заката...»	26
«Ребята, вам тайну...»	27
В ЗВЁЗДНЫЙ ПРОСТОР	28
«Что ни наметит наш народ ...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Как будто не случилось ничего Досуг графомана

Андрей Ивахнов

© Андрей Ивахнов, 2017

ISBN 978-5-4485-3988-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не воздух в квартире...»

Не воздух в квартире,
а буквы и точки.
Из них возникают
пылинки-слова.
Из слов по ночам
образуются строчки,
от строчек наутро
болит голова.
Мозги математику
жгут логарифмы,
идеи новатору
спать не дают.
Меня же замучили
ритмы и рифмы
тех песен, которых
Нигде не поют.

МОЙ ПЕРВЫЙ СТИХ (5-й класс)

«Трактор землю пашет...»

Трактор землю пашет.
Землю на веки веков
нам отдала наша
партия большевиков.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛИРИКА

«Темные ночи...»

Темные ночи,
карие очи,
радость свиданий
и будни рабочие.
Грязь под ногами,
сухие мозоли,
и васильки
у дороги
на поле.
Труд на полях
до последнего пота,
споры о жизни,
незлые остроты,
кружка по кругу,
жёсткие нары,
грустные песни
под вздохи гитары...

«Я с тобой не бродил в тишине...»

Я с тобой не бродил в тишине
ароматного майского дня, —
я тебя сочинил по весне,
я мечтал о тебе, и во сне
ты улыбкой ласкала меня.
А когда отцветали цветы
и дожди умывали Москву,
я увидел, я понял, что ты
несравненно чудесней мечты —
я тебя повстречал наяву.

«Ветер...»

Ветер
кусает лица прохожих,
холод мешает
стоять на месте.
Десять минут ещё...
Ну, так что же?
раньше придёт —
Больше времени вместе.
Десять минут ещё...
Даже не верится:
скоро
увидю мою подругу.
Десять...
Тебе не терпится,
сердце?
Ну, не стучи же
на всю округу.
Стрелка
схватила за цифру
«одиннадцать», и...
замерла,
собираясь с силою.
Стрелка!
Ну что тебе стоит
сдвинуться?
Ну, подтянись же,
ну, сдвинься,
милая!
Скоро уж...
Вот она!
Нет, другая...
Время?
Почти не сдвинулось.
Странно...
Рано.
Стою и себя ругаю:
надо же было
прийти так рано!
Ровно.
Нет,
даже больше немного.
Люди кругом
все спешат куда-то...
Девушки,
если судить их строго,

любят
помучить нашего брата.
Три минуты, —
не так уж мало.
Где же ты, милая?
Вот уже пять...
Если бы ты,
бессердечная,
знала,
что мне стоит
стоять и ждать!
Теперь уже стрелка
стремительно падает,
стрелка работает,
стрелка не ждёт:
десять... пятнадцать...
Так быстро...
Не надо, стрелка!
Она всё равно придёт!
Вот она,
Моя недотрога!
Не было электрички,
наверное...
– Кажется,
Я опоздала немного?
– Нет, здесь просто
Часы неверные...

«Промелькнул...»

Промелькнул
счастливый час
свиданья.
Вновь
в моей руке
твоя рука.
По губам читаю:
«До свиданья...»
Отвечаю тихо:
«Ну, пока...».
Ты уходишь,
высвободив руки,
за твоей спиной
сомкнулся вечер...
Для того
придумали разлуки,
чтобы были встречи...

«Ты сегодня...»

Ты сегодня
стала старше на год.
В книге жизни —
новая страница.
Передаст ли то тепло
бумага,
Что на сердце
для тебя хранится?
Каждый день
о радости молю
Наглядеться
в дорогие очи.
Никого сильнее не...
А впрочем,
Этим я тебя не удивлю.

«Я знаю...»

Я знаю:
Письмо уже где-то идёт,
Хотя не дошло
Пока.
Его ведь
с таким нетерпением ждёт
твой самый покорный
слуга...
Ему так тоскливо
без милых губ,
без тёплых любимых
рук...
тоскливо вдвойне,
потому что слугу
свалил наповал недуг.
Свалил,
чёрным жаром
в лицо пахнул,
сомкнул тяжело глаза.
В то утро
впервые
слуга обманул:
слуга не пришёл
на вокзал...
увёз, укатил тебя
поезд-змей.
Ты губы надула:
– Что ж...
Лежат километры
меж койкой моей
и домом
где ты живёшь.
Там, верно, немало
покорных слуг,
немало занятных дел.
Немало причин позабыть,
что друг
давно глаза проглядел...
Но верю:
письмо непременно придёт
с улыбкой твоей
озорной.
Недаром
с таким нетерпеньем ждёт
часы передач

БОЛЬНОЙ...

«Мои стихи ...»

Мои стихи —
это просто мысли,
взятые
в строгие рамки
рифм.
Вечер.
Над городом
звёзды повисли,
как виснут
уличные фонари.
Звезды – их много,
они повсюду,
подмигивают,
куда ни взгляни.
Может быть, там,
далеко отсюда,
ты тоже
взглянешь порой
на них.
Там, за городом,
светят они же,
так же висят
по своим местам.
Только там они
кажутся ближе,
как ближе ты была, —
помнишь —
там...
А я вот
забуду те дни
едва ли.
Их трудно забыть,
как товарищей лучших —
те ночи,
звёзды,
что нам сияли,
а чаще просто
прятались в тучах.
Дома,
что стояли
в немом покое,
ночную прохладу,
туман с реки,
дорогу, ватник
и под рукою

тепло
от горячей
твоей руки.
Ребят, что частенько
вставляли между,
смеялись,
когда я
В бутылку лез,
и песню о том,
что «имел надежду»,
да вот остался
«надежды без»...

«Два кольца...»

Два кольца,
два конца,
в середине гвоздик.
Не пришлѐшь
письмеца,
не зовѐшь а гости.
Два кольца,
два конца,
две дороги длинные.
В унисон стучат сердца —
две половины.
Сердце третье стучит, —
но куда деть его?
В нём плененная,
молчит
любовь третьего.
Лишним быть?
Всѐ забыть?
Лучше ли, хуже ли?
Поглядим, кем слаще быть —
Мужем ли...

МОСКВА – КРАСНОЯРСК

«В тумане вокзала...»

В тумане вокзала
Растаяли лица,
в столичных огнях
затерялся вокзал.
В родном Подмосковье
осталась столица,
сверкнув на прощанье
огнями в глаза.
Мелькали в ночи
одинокое окна:
смотрела нам вслед
придорожная Русь.
И тихо вплетались
дождевки-волокна
в незримую ткань
под названием грусть...
Столица!
Мы не расстались с тобой,
наши сердца
тобой полные.
Дом твой любой,
кустик любой
мы
запомнили.
Разве можно
Забыть свой дом,
улицу, институт?
Разве можно забыть о том,
что дома тебя ждут...
Иные
остались в родном дому,
о преданности трубя,
а мы уехали потому,
что очень любим тебя.

СИБИРЬ

«Ложатся в землю...»

Ложатся в землю
пласты бетона —
за тонной тонна,
за тонной тонна.
Бетон раздвигает
плечами горы,
здесь будет
заветная точка опоры:
безумец
грозит опрокинуть Землю...
Сосед за морем
безумцу внемлет,
и вновь ложатся
пласты бетона, —
за тонной тонна,
за тонной тонна...
ложатся в землю
одежда, пища,
ложатся книги,
мосты, жилища,
бетон раздвигает
плечами горы —
всю Землю в землю
упрячут скоро —
за тонной тонну,
за тонну – десять,
ведь Землю нужно
уравновесить!
Ложатся в землю
пласты бетона,
гудит Земля
от людского стога...

«Взгляни...»

Взгляни:
у этих
честь нет,
и стыд
неведом им...
Они украли
твой обед,
когда ты был
больным.
Ты есть хотел,
ворчал на власть
и больше
харкал кровью,
а эти гады
жрали всласть
за твоё здоровье...
(о поварах больничной столовой).

«Ходят люди, смотрят косо...»

Ходят люди, смотрят косо,
головой на нас кивая.
Мы целуемся без спроса,
нашу радость не скрывая!
Нам одним стучат колёса...
Ходят люди, смотрят косо.
И понять не могут люди, —
вот ведь, право, наважденье, —
мы с тобой друг друга любим
может, с самого рожденья.
Мы с тобой нашли друг друга
на далёком перегоне.
Мы сидим, забившись в угол,
в уносящемся вагоне,
мы целуемся без спроса,
нашу радость не скрывая...
Ходят люди, смотрят косо,
головой на нас кивая.

ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ

«Всё гладко лишь на глобусе...»

Всё гладко лишь на глобусе,
всё гладко лишь на карте...
Мы ехали в автобусе
с артековцами в марте.
Мы пели песню звонкую,
вперёд глядел шофёр,
дорога лентой тонкою
петляла между гор.
Нас словно в шторм швыряло —
только держись:
влево – вправо,
вверх – вниз.
А в качку, как ни странно, —
я узнал потом, —
даже капитаны
лежат пластом!
Катил автобус лихо,
мелькали скалы, горы,
и стало очень тихо
в автобусе скоро...
Кусает губы Ольга,
больно смотреть:
худо, да и только,
лучше умереть...
Но встал, качаясь, Генка,
бледный, как мел,
рукой опёрся в стенку
и – запел:
**«Над морем, морем Чёрным
артековский салют,
трубят задорно горны
и барабаны бьют...»** (*гимн Артека*).
Запела Света рядом,
и Оля – да как!
И песня над отрядом
взметнулась, словно флаг:
**«Чтоб клятву дать, ребята
мы собрались сюда:
артековец сегодня,
артековец сегодня,
артековец – всегда!»**

«Стартуют твои ракеты...»

Стартуют твои ракеты
с домашнего космодрома.
Игрушки ракеты эти,
но верю: когда-нибудь
земля захлебнётся светом,
земля задрожит от грома —
к далёкой чужой планете
тебя мы проводим в путь.
Ракета твоя умчится,
и вот уж её не видно...
Один по ракетодрому
пойду без дороги я...
И буду тобой гордиться,
и будет чуть-чуть обидно,
что вот, повезло другому,
что очередь не моя.
Но всё это будет завтра...
С улыбкой глядят с портретов
Гагарин и Терешкова,
Леонов, Береговой.
Мы юные космонавты,
мы строим свои ракеты,
и в жизни пути иного
не будет у нас с тобой!

С РУМЫНСКОГО

(детский писатель и поэт Петре Гельмез).

«От рассвета до заката...»

От рассвета до заката
всё спешат часы куда-то.
Вот и новый день рождается,
люди спят, а им не спится.
Вы, часы, ну хоть чуть-чуть
не хотите отдохнуть?
— Не хо-тим! — часы в ответ, —
Мы стучим уж много лет,
твой отец нас знал, и дед...
Так стучат часы часами,
шевелият часы усами,
чтобы время я считал
да скорее вырастал.

«Ребята, вам тайну...»

Ребята, вам тайну
открыть не боюсь:
недавно
я пробовал солнце на вкус!
Не целое солнце, —
достать его как?
А только кусочек,
размером с кулак.
Кусочек тот
в полночь я вынес во двор,
и птицы со мной
завели разговор.
Так ночью на улице
стало светло,
подумали птицы,
что солнце взошло!
В том солнце
запрятаны лета лучи.
Увидишь их —
вспомнишь,
как речка журчит,
какой аромат
у мимозы весной,
у первых цветов
на тропинке лесной.
Каков же на вкус
этот солнца кусок?
Вкуснее конфет
золотой его сок,
вкусней шоколада,
вкуснее халвы...
Но, кажется,
мне не поверили вы?
Вот яблони плод,
вам его я дарю.
Проверьте же,
правду ли я говорю.

В ЗВЁЗДНЫЙ ПРОСТОР

4 октября 1957 года.
Голос спутника в эфире.
Наш, советский. Первый в мире.
3 ноября 1957 года.
Летает Лайка под Луной.
Заморский Джек истёк слюной.
2 января 1959 года.
Счета нет земным победам:
Даже Солнце стало... дедом...
14 сентября 1959 года.
Серьёзный шаг в борьбе за мир:
Луне подарен сувенир...
4 октября 1959 года.
Луна с обратной стороны
не хуже, чем фасад Луны.
20 июля 1960 года.
Горе бедному зверью:
то и дело интервью...
4 февраля 1961 года.
Слон в космос приглашенья ждёт:
«Шесть тонн? Мне это подойдёт!».
12 февраля 1961 года.
Заочным знакомствам положен конец:
к соседке Венере отправлен гонец...
9 марта 1961 года.
Чернушка дома, честь по чести.
Заморский Джек пропал без вести.
26 марта 1961 года.
В этот день мы выше стали:
с неба Звёздочку достали.

«Что ни наметит наш народ ...»

Что ни наметит наш народ —
всё непременно сбудется.
Второй советский Луноход

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.